

Илье

Любовь для счастья нам боги дали,
ею одной душа вся полна.
Ах, если б в эти часы печали
хотя б надежду мне любовь дала!
Хоть бы надежда, лишь бы надежда
снова блеснула счастьем неожиданным,
лишь бы надежда осталась мне!

(Из оперы «Аида»)

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Аида рассеянно бродила по комнатам, несколько раз присаживалась — то на диван в гостиной, то на кровать в спальне, то на кресло в кабинете мужа, — и тут же вскакивала. Ей было грустно и тревожно, и даже дивное сопрано Марии Каллас не приносило обычного наслаждения. Наоборот, захотелось выключить музыку: сегодня прекрасная «Каста Дива» звучала невыносимым диссонансом с ее смятением.

«Да что со мной, в самом деле? — пыталась понять Аида. — Ведь слово «избавиться» вовсе не означает «убить»! Когда люди не хотят больше жить или работать вместе, они расходятся. Они разводятся, делят имущество, заводят другие семьи или новые фирмы, уходят на другую работу — в общем, «избавляются» от того, кто стал тягость, будь то начальник, партнер или супруг. Конечно, слово грубое — некрасиво говорить о людях, будто о старых чемоданах, — но в нашем новоиспеченном «высоком» обществе хорошие манеры свежи, как примеряемый в модном бути-

ке костюм, еще с бирочкой, который не слишком ловко сидит на грубо сработанных телах...»

Аида вошла в «телевизионную» комнату, щелкнула пультом. Телевизор она смотрела редко, но сейчас была готова слушать любые глупости, только бы отделаться от гнетущей тревоги.

Некоторое время она созерцала экран, где шел какой-то сериал, удивляясь плохим диалогам и плохой игре. Все было фальшиво: слова, лица, чувства. Не сравнить с оперой! Она не претендует на реализм, и именно поэтому ей безоговорочно веришь, а великая музыка никогда не подводит!

Аида тут же подумала о сестре: пусть напишет о сериалах. Не все же рассуждать о хорошем кино, должен ведь кто-то взять на себя труд чистить авгиевы конюшни дурновкусия! А Манон, с ее язвительным умом и слогом, вполне годится для такого подвига.

Аида набрала номер сестры.

— Машка, что там у тебя гудит? Я твой голос едва слышу!

— Дашка, ты?

Манон в детстве не могла произнести имя «Аида» и звала старшую сестру «Да», позже преобразовавшиеся в «Даша». Аида же не нашла уменьшительного варианта от «Манон» (разве только «Маня», но это ей решительно не нравилось), отчего прозвала ее Машей со всеми вытекающими суффиксами: Машунька, Машик, Машутка и прочие ласковости.

— ...У меня пылесос, погоди, сейчас выключу! — прокричала Манон.

И в самом деле, спустя несколько секунд гул стих.

— Ты сама убираешь? — удивилась Аида.

— Нинон заболела.

«Нинон» как раз звалась просто и обычно: Нина. Девятнадцатилетняя девушка с Украины подалась в Москву на заработки и едва не пополнила собой армию столичных путан. Манон девушку подобрала в плачевном состоянии: ее избил некий «добрый человек», который Нину обещал приютить и накормить, вместо чего — или в дополнение к чему — отправил на панель.

Панель же, по стечению обстоятельств, оказалась ближайшим к офису Манон тротуаром. «Идти можешь?» — спросила Манон, склонившись к сидящей у стены соседнего дома девушке с разбитыми губами. «Куда?» — простонала в ответ та. «Ко мне. Меня зовут Манон. А тебя как?» «Нина... Нинон!» — проявила находчивость девушка, потрясенная необычным именем своей благодельницы.

В результате компанию Манон, превратившейся в Машу, и Аиды, превратившейся в Дашу, пополнила Нина, трансформировавшаяся в Нинон. Сестер это забавляло, Нинон же относилась к данной трансформации со всей серьезностью. Как будто в новом ее имени забрезжила новая жизнь.

Собственно, она так-таки забрезжила: Нина получила работу у Манон, причем хорошо оплачиваемую. Сестры никогда не знали стеснения в финансах. Впрочем, Аида, с их разницей в десять лет, еще помнила относительно (о-о-очень относительно, заметим!) трудные советские годы своей семьи. Манон же появилась на свет тогда, когда доходы отца взмыли в запредельную высь и

уже требовалось немалое напряжение фантазии, чтобы придумать, на что еще деньги потратить.

— Я тут телевизор посмотрела... — сообщила Аида.

Манон только фыркнула в ответ: от подобного начала она ничего хорошего не ждала.

И в самом деле, Аида пустилась рассказывать, как ее (в очередной раз) поразила пошлость и фальшь, и что с этим следует что-то делать, и что сестра могла бы взяться за великое и благое дело воспитания вкуса, поскольку блог ее очень популярен и она способна открыть людям глаза на то, как их...

— Даш, мы с тобой уже говорили на эту тему: глаза открыть никому нельзя! Можно обсуждать — издеваться, возмущаться, прикалываться — пошлость с теми, кто ее сам чувствует! Но никому невозможно ее **объяснить!**

— А я тебе в который раз говорю, что ты не права! Вкус можно воспитывать и нужно!

— У нас знаешь сколько нынче воспитателей вкуса развелось? По телику, в журналах, книгах, в Интернете — сплошные наставники. И каждый убежден, что уж он-то точно знает, в чем состоит хороший вкус! А ты на такого «гуру» смотришь и думаешь: мама родная, чему же он научить может, когда у самого вкуса нет?! А он смотрит на тебя и головой качает: не научилась ты, девушка, со вкусом одеваться. И кто нас рассудит, Даш? У кого есть право выносить окончательный приговор?

— Вот и надо писать об этом, — назидательно произнесла Аида.

Ну конечно, сказалось воспитание папы: тот

привык «о благе народа» рассуждать. Представление об этом «благе» у него было смутное, зато уверенное и, по большому счету, подчинялось той же схеме, что и незваное наставничество разного рода радетелей «хорошего вкуса». Для них отношения с миром строились по принципу «Я и Оно», а не по принципу «Я и Ты». Вторая опция предполагала уважение к другой личности и ее взглядам, что само по себе автоматически отменяло всякое поучительство.

Но Аиде, которая философией не увлекалась, жила замкнуто, музыкой и чувствами, объяснить эти мысли Манон не взялась бы: не потому, что сестра неспособна понять, а потому, что они ей неинтересны.

— Даш, спустись на землю, а? Это просто никому не нужно, пойми! Пусть каждый питается той пищей, которая по желудку, смотрит то, что ему по душе. Даже если это, с твоей точки зрения, духовный «Макдоналдс». Оставь людей жить так, как им хочется!

— А потом у них начнутся проблемы от дурной пищи... — упрямылась Аида, отчего-то внезапно озаботившаяся всеобщим благом.

— Даша! Да что с тобой, в самом деле? Когда проблемы начнутся, тогда они сами поймут. **Сами!** А до этих пор никому ничего невозможно объяснить, пойми же!

— Так что теперь, никто не имеет право называть пошлость пошлостью?!

— Имеет. Да толку-то? Твою точку зрения разделяет только тот, кто сам придерживается близкой; твой вкус оценит тот, у кого схожее представление о хорошем вкусе.

Манон это отлично знала, из года в год читая и восторженные и гадкие, иной раз хамские комментарии на свои рецензии. Но ей не хотелось спорить с сестрой.

— Даш, а что это голос у тебя нервный? И вообще, с чего это ты телевизор включила? — с подозрением проговорила она.

— Да так... настроение плохое было...

— Что-то случилось? — Манон встревожилась не на шутку: она слишком хорошо знала сестру, которой спасением от всех жизненных невзгод...

Впрочем, нет, *невзгод* у Аиды не случалось, как и у Манон, — их семья величественно, словно атомный ледокол, рассекала льды общественных, политических и экономических потрясений. Так что лучше ограничиться словом «огорчений»...

Так вот, универсальным средством от *огорчений* Аиде служила опера. А тут вдруг — телевизор!

— Нет, Машик, ничего такого... — пробормотала Аида, отчего-то смутившись.

Аида хотела уж было распрощаться с сестрой, но медлила. Может, все-таки поделиться своими сомнениями? Один ум хорошо, а два... Тем более такой ум, как у Манон! Она более решительна по характеру, и если бы она сочла, что подозрения Аиды безосновательны, что у нее просто «тараканы» в голове и что «постоянное слушание опер к добру не приведет»... Так младшая сестра говорила всегда, и сейчас Аиде остро захотелось, чтобы ее в этом убедили.

— Хотя, знаешь, я и вправду немного расте-

ряна... — отважилась она. — Не знаю, как понимать одну фразу... Я ее случайно услышала вчера, правда, она выдернута из контекста... Но все-таки...

— Даш, не тяни! Мне на работу пора!

В этот момент котенок Цезарь, прятавшийся от страшного пылесоса под диваном, вдруг рванул из своего убежища и бодро вскарабкался на шелковую занавеску. Это грозило целым рядом неприятностей: острые коготки выдергивали нити из шелка, портя ткань, к тому же котенок завис на высоте, уцепившись за карниз, с недоумением глядя вниз и явно не понимая, как ему теперь спуститься.

— Подожди, Цезаря с карниза сниму сейчас...

— Да ладно, Маш, не буду тебя держать. Я только хотела сказать насчет нашего телевидения, напиши об этом в блоге. Все, целую.

Аида отключилась, и Манон, достав стремянку, полезла снимать Цезаря с верхотуры. Смешная она, сестричка старшая, — живет в своем мире, слушает дни напролет оперы и совершенно не представляет, что телевидение уже ругают лет двадцать, а толку ноль!

...Даже хорошо, что Аида не договорила насчет «фразы». Услышала небось какую-то пошлость с экрана и хотела, чтобы ей объяснили, что это значит. Да только объяснять Аиде смысл скабрёзных фразочек и шуточек — это так же неприятно и бессмысленно, как объяснять их ребенку!

Глянув на часы, Манон быстро убрала пылесос и кинулась в ванную. Ей и в самом деле пора на работу!

Аида была немного раздосадована. Только она отважилась рассказать сестре о нечаянно услышанном разговоре, как котенок вдруг взял да все испортил. Ну, ладно, не котенок, а сама она замялась. Вдруг неловко стало, сомнения показались глупостью...

Поколебавшись, Аида открыла свой почтовый ящик в компьютере и набросала несколько фраз, большинство из которых заканчивалось вопросительными знаками. Отправила письмо сестре, стерла, на всякий случай, его следы и почувствовала себя значительно спокойнее — будто уже услышала ее насмешливый голос и слова о «тараканах в голове».

Свидания на сегодня не планировалось, так что Аида быстро переоделась и поехала в Музей изобразительных искусств, где выставлялись редкие картины из частных коллекций.

Вернулась Аида домой к вечеру, в хорошем настроении. Включив музыкальный центр, она комфортно устроилась в кресле, наслаждаясь божественным голосом Монсеррат Кабалье, как вдруг айфон чирикнул на столике рядом. Аида счастливо улыбнулась: только один в мире человек мог посылать ей эсэмэски! Раньше она ими не пользовалась, — не понимала: зачем, когда есть телефон и Интернет? Это ведь намного удобнее, чем тюкать по крошечным буквам!

Но теперь она постигла их смысл: это тайный язык любви! Нежные слова настигали ее повсюду, заставляя сердце биться сильнее.

Она, в предвкушении дивных слов, посмотрела на экранчик.

«Нужно срочно встретиться. Мне кажется, за нами следят. Выйди на эл. почту» — гласил текст.

На этот раз сердце ухнуло не от нежности — от страха.

Аида (муж и друзья называли ее «Ада», будто стесняясь ее имени), черноволосая и черноглазая, высокая, с большим упругим бюстом, нередко производила на людей впечатление женщины сильной и властной... Но отнюдь не являлась такой: была она на самом деле боязлива, не уверена в себе, чрезмерно эмоциональна, ранима... Свою душевную незащищенность Аида скрывала всеми способами, отчего одним казалась сдержанной и холодной, а то и высокомерной; другим, — тем, кто знал ее поближе, — мечтательницей, способной часами слушать оперную музыку, тихо подпевая знаменитым сопрано и баритонам, иногда со слезами на глазах: вместе с ними она оплакивала чужие великие чувства.

Перестала она слушать оперы и плакать чуть более месяца назад, когда в ее жизнь пришла любовь. Все, что было в жизни раньше, — то, что она принимала за любовь, — все это оказалось подделкой. Только сейчас, когда ей исполнилось тридцать шесть и когда она уже ничего не ждала от мелких современных душ, разъеденных, как молью, стяжательством, — только сейчас боги улыбнулись ей и ниспослали настоящее счастье. Настоящую Любовь. Достойную самой высокой оперы!

Обмирая от дурного предчувствия, Аида включила компьютер, открыла почтовый ящик.

«Мне кажется, за нами следят. Не пойму кто, но хочу разобраться. Приходи сегодня в 22.00 в сад «Аквариум», как раз под конец спектакля. Там будет много народу, легче засечь шпиона. Иди сразу в глубь сада, за ресторан, не оглядывайся. Не бойся, все будет хорошо! Моя любовь уберезет нас!

Это письмо сотри, смс тоже!»

Аиде стало жарко. За ними следят?! Но кто?! Кому понадобилось?!

Его жене? Бред, они практически на грани развода...

Но тогда, выходит, ее мужу, Гектору?

К моменту встречи с Гектором, будущим супругом, у Аиды было позади два неудачных романа, о которых теперь и вспоминать противно. Не столько даже тех мужчин — мелких людей с мелкими чувствами, — сколько собственное стремление обольщаться. Стыдно теперь, задним числом. При том, что им даже не хватило ни ума, ни таланта, чтобы убедительно изобразить влюбленность! Они были так нелепы, так неумелы в своей игре, — а она прощала, жалела, принимала эту нелепость за застенчивость и смущение... А теперь вот стыдно. Фу.

Гектору же хватило и ума, и таланта.

Познакомил их отец. Привел Гектора в дом на Новый год и сказал прямо: «Я в вас вижу отличную семейную пару. Так что, дети мои, присмотритесь друг к другу как следует. Если сойдетесь, то свадьбу отпразднуем летом».

Гектор настойчиво и умело, с точно выверенной дозой романтизма ухаживал за ней несколько месяцев, затем так же настойчиво и умело уложил ее в постель. В обоих качествах — ухажера и любовника — он был безупречен, и Аида, сердце которой жаждало высокого накала чувств, решила, что лучшего, чем Гектор, в ее жизни все равно никогда не будет.

Видимо, ей по-прежнему хотелось обольщаться. Иначе как жить, если разувериться во всем?! К тому же его имя вписывалось в ту традицию, которую задала в семье мать: она — Аида, сестра — Манон. Даже котенок — и тот Цезарь! Имя Гектор хоть и не имело оперного прошлого, но все же относилось к греческой мифологии. В чем Аида (а тем паче ее родители) усмотрела некий знак. И вскоре они поженились.

Конечно, Аиду не впервые посещали сомнения: ее отец еще работал в ту пору заместителем министра финансов и уже создавал свой бизнес. Мать была оперной певицей, хоть и не самой выдающейся, но все же немалую долю славы имела. Так что партией Аида была хоть куда, она прекрасно отдавала себе в этом отчет. Но Гектор, какой бы расчет ни был у него на уме, все-таки сумел быть (или казаться) чутким, внимательным, нежным. К тому же он охотно посещал с ней оперные спектакли — не только в Большом, но и в «Ла Скала» в Милане, и в «Гранд-опера» в Париже, и в «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке. И даже был способен сказать что-то умное после спектакля!

Спасибо ему и на том. Аида старалась его любить, как умела.